

СЛУШАТЬ И ПОНИМАТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ. ОПЫТ Н.Н. СТРАХОВА

ГУМАНИТАРНАЯ
ХРОНИКА

В октябре 2008 г. в Белгородском государственном университете прошла Международная научная конференция “Н.Н. Страхов и русская культура XIX–XX вв.: к 180-летию со дня рождения”, посвященная теоретическому и нравственному наследию мыслителя и публициста¹.

Николай Николаевич Страхов — один из наиболее пронизательных русских мыслителей XIX столетия; признанный философ, переводчик, желанный собеседник или оппонент русской интеллектуальной элиты позапрошлого века. Почему сегодня, в начале XXI в., его наследие становится предметом пристального исследовательского внимания? Находясь как бы посередине “культурного моста истории” и отчетливо осознавая ситуацию перехода, Страхов занял позицию интеллектуального *созерцания* духовной и культурной жизни современной ему России, *вслушивания* в ее голоса и ответственного ее *понимания*. Его жизненная цель была не в том, чтобы “перекричать время”, высказаться, во что бы то ни стало, перебивая других, но услышать, оценить, понять другого и, духовно развиваясь, двигаясь вперед, встраиваясь, с возможной предусмотрительностью, в “актуализацию бесконечно-воз-

можного бытия” жизни и культуры как “в план *произведения*”²... Страховский талант был наиболее выражен в его этико-герменевтическом навыке понимать эпоху, никого при этом не оправдывая и не теряя подлинно своего.

Как точно заметил Н.П. Ильин, один из наиболее чутких российских исследователей наследия Н.Н. Страхова, «дело в том, что понимание является, по сути, особым видом творчества, творит духовное бытие в собственном смысле слова. Не увенчанное пониманием, ясным и глубоким самоосмыслением, стихийное творчество остается, можно сказать, “святыней под спудом”»³. Осознавая свой нелегкий дар понимания, преимущественно нравственного усмотрения священных смыслов, раскрывшийся в трудные переходные времена, Н.Н. Страхов писал Л.Н. Толстому: “Что касается того, что я человек замечательный, то я, право, начинаю в это верить. *Не имея почти вовсе творчества, я имею очень большую способность понимания*”⁴ (курсив мой. — С.К.).

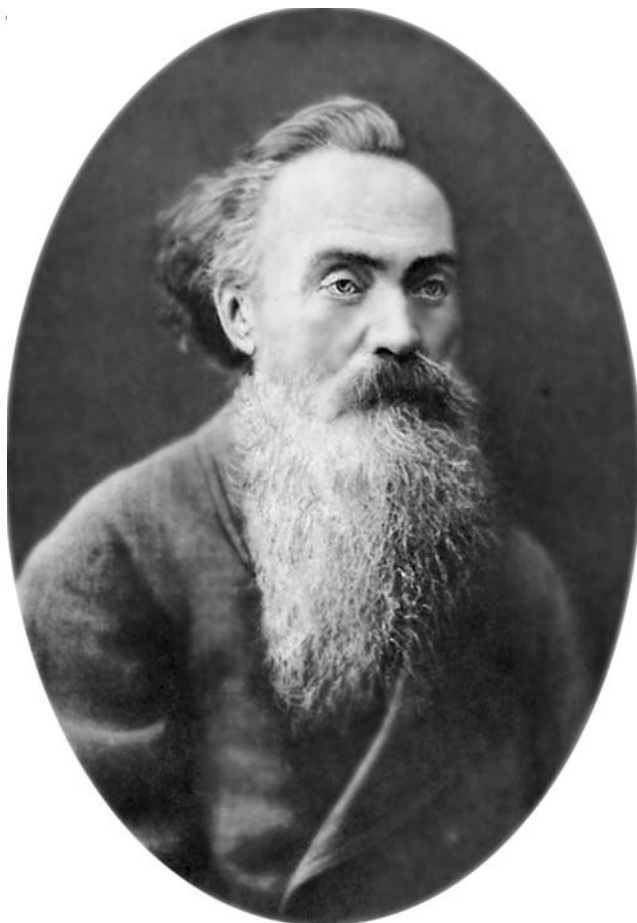
Экзистенциально-историчный разговор, который вел Н.Н. Страхов со своими великими современниками, стал своего рода метаоснованием теоретического осознания различных сторон жиз-

¹ Конференция под- держана РФНФ. Грант № 08-03-55380 г/Ц.

² Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. М., 1991. С. 9.

³ Ильин Н.П. Понять Россию. О жизни и творчестве Николая Страхова (1828–1896) // Мол. гвардия. 1997. № 4. С. 226.

⁴ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Государственный музей им. Л.Н. Толстого. Оттава. 2003. Т. 1. С. 134.

Н.Н. Страхов
Фотография 1880-
х гг.

ни и культуры. Для того чтобы понять сегодняшние переходные процессы нашего мозаичного времени, найти свое уникальное “звучание” в плюралистическом пространстве культуры, есть, пожалуй, лишь один способ: онтологизировать *собственное* отношение к *другим*, но созвучным и “тонально” близким нам *личностям, идеям, временам*. Для такой, только еще становящейся онтологии самопонимания фигура Н.Н. Страхова оказывается эвристически уникальной.

Проведение конференции, посвященной юбилею Н.Н. Страхова, в Белгороде связано не только с тем, что он родился здесь 16(28) октября 1828 года; сам юбилей — важный информационный повод

для разговора о “времени и о себе”. Страховская способность понимания других, умение ответить в совместном со-творческом процессе живого или текстового общения, диалогизировать с другими — чужими текстами — и создавать в ходе этих диалогов целостное мировоззрение, даже эпохальное, нашла отражение и в ходе самой конференции. В Белгороде, на родине Н.Н. Страхова, оказалось возможным провести *конференцию-диалог*, на которой были определены и высказаны различные, иногда диаметрально противоположные позиции в некоем открытом смысле пространстве общего *душевного* разговора о Страхове, прошлом и настоящем, судьбах философии, идей и людей в современной России и славянском мире в целом. Символической, вполне приложимой к наследию Страхова и уместно назидательной мерой построения разговора могли бы стать слова митр. Антония (Сурожского): “Что же делать, если мы хотим научиться видеть и слышать? Первое условие... мы должны признать и принять инаковость другого; он отличен от меня и имеет на это право, я же не вправе возмущаться этим или ожидать, что он станет таким, каков я”⁵. Неспешный, основательный диалог, который вел Н.Н. Страхов со своими великими современниками, в наше время становится существенной предпосылкой искреннего и вместе с тем ответственного вопрошания к нашей собственной жизни и культуре.

В конференции приняли участие ученые из России, Белоруссии, Украины, Польши, Татарстана. Ее открыл проф. Белгородского госуниверситета **Е.А. Антонов**, посвятив свое выступление вопросам самобытности понимания мира и человека в антропоцентрической философии мыслителя. Главный акцент был сделан на

⁵ Антоний (Блум), митр. Духовное путешествие. Размышление перед Великим постом / Митр. Антоний Сурожский. М.: Паломник, 1997. С. 69–70

анализе природы понимания в философии Страхова и современной герменевтике, сопряженной с идеями рационализма, антропоцентризма, историософии и т.д. Проф. **М.Н. Громов** (зав. сектором истории русской философии Института философии РАН) предложил оригинальную типологию русской философии и попытался всесторонне проанализировать место творческого наследия Н.Н. Страхова в этой типологии. Разговор о творческом и издательском наследии философа продолжил доклад известного петербургского историка русской литературы и философии

В.А. Фатеева “Место Н.Н. Страхова в истории русской культуры”. Докладчик попытался по-своему осмыслить парадоксальную ситуацию, разгадка которой волнует всех, кто соприкасался с фигурой Николая Николаевича Страхова: имя мыслителя постоянно упоминается в литературе и философии, особенно в связи с Толстым, Достоевским, Данилевским или Вл. Соловьевым, и при этом оно практически не освоено специалистами в его *самобытности*. Необходимо воссоздать подлинный образ мыслителя и критика. В контексте обозначенной задачи большой интерес вызвал доклад проф.

А.Д. Майданского (Таганрогский институт управления экономики), рассмотревшего “методологию” изучения душевной жизни Страхова. Первое пленарное заседание завершил доклад проф. Рязанского госуниверситета **Т.В. Еременко**. Она проанализировала документный поток современных научных работ, связанный с изучением творческого наследия Н.Н. Страхова. По ее мнению, здесь существует явная диспропорция, в частности, нет докторских диссертационных исследований, специально посвященных этому мыслителю.

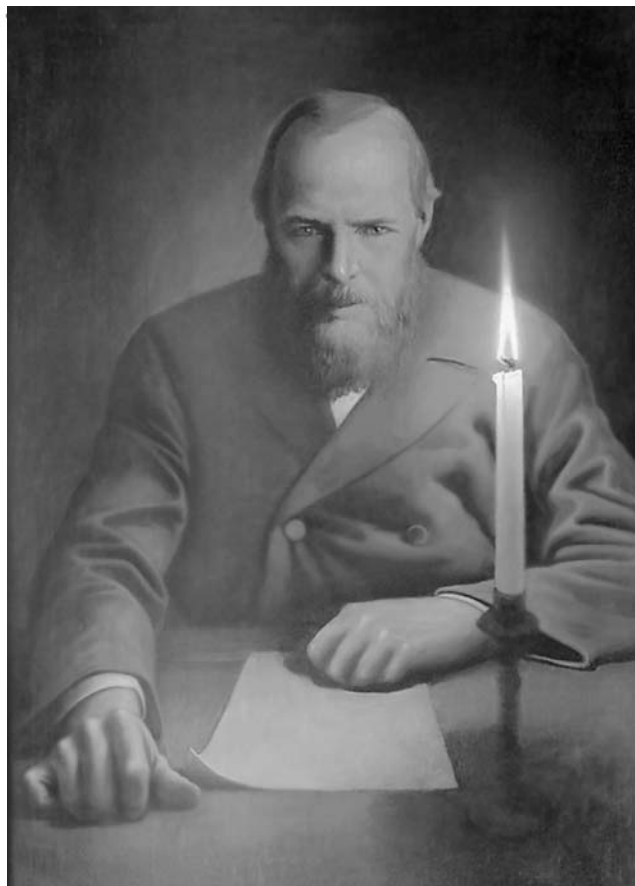
Второе пленарное заседание было посвящено диалогу, кото-

рый Страхов вел со своим современниками, эпохой и “будущими поколениями”. Взаимоотношениям Н.Н. Страхова и В.В. Розанова был посвящен доклад зав. кафедрой истории русской философии МГУ, проф. **М.А. Маслина**. Объектом его анализа стал феномен “литературных изгнанников”, получивший важный гносеологический статус в русской философии. Новаторство Розанова заключается в том, что он блестяще проанализировал не столько идеи, сколько “философские личности” литературных изгнанников, создал интереснейшие психологические портреты, приближаясь тем самым к тому, что можно назвать своего рода экзистенциальной историографией русской философской мысли.

И как итог... или предпосылка: «Все-таки “человек” выше и *подлиннее* его “сочинений”»⁶. Реконструкцию творчества Страхова Розанов рассматривал как свидетельство о “метафизическом безвременье” и одновременно как свидетельство о существовании и в эту эпоху значительных философских идей, противостоявших “наследству 60–70-х годов”. Разговор об эпохе безвременья, которая оказывается одновременно и эпохой перемен, продолжил доклад проф. Белгородского госуниверситета **С.М. Климовой**, описавшей историко-культурно-экзистенциальный диалог Н.Н. Страхова с двумя великими современниками — Л.Н. Толстым и Ф. М. Достоевским — как метатекст постижения переходной эпохи, к которой все трое были причастны. В судьбе Страхова, Толстого и Достоевского переходность проявилась по-разному. В описании этого перехода каждый из трех участников “эсхатологического” разговора по-своему стал катализатором глобальных культурно-исторических и идейно-формационных (в фукианском смысле) процессов изме-

С. Климова
Слушать
и понимать
происходящее

⁶ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 125.

К.А. Васильев
Ф.М. Достоевский
1976

нения жизни. Особенность судьбы Страхова в том, что он олицетворял собой *ситуацию перехода*, но не испытал *события перехода*, не был вовлечен в "постравновесное пространство" собственной жизни, всегда оставался homo legens, человеком читающим, но не действующим. В этом его отличие от Толстого и Достоевского, сделавших собственное мировоззрение основой жизнетворчества. Объединяет всех участников диалога ощущение внутреннего трагизма переходной эпохи, которую они, однако, переживали, переосмысливали, переоценивали и творчески выражали по-разному.

Разговор об уникальной природе диалога Страхова и Толстого был продолжен в выступлении до-

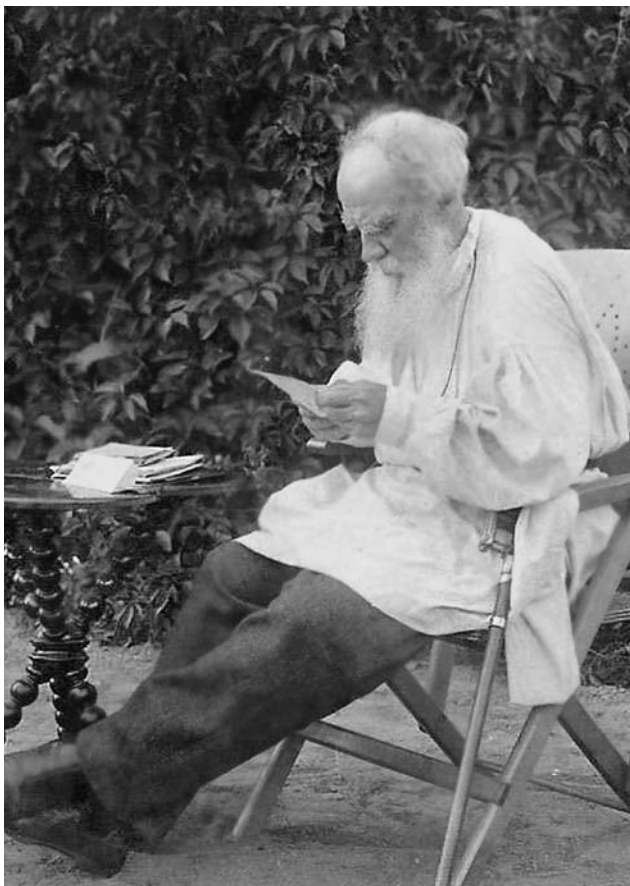
цента Белгородского института культуры и искусств **И.Ф. Салмановой**, отметившей уникальность их переписки, протекавшей двадцать шесть лет (467 писем) и обусловленной необходимостью проникновения в глубинную природу творческого диалога, который, при определенном "единстве воззрений на жизнь", "на известной высоте душевной не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным"⁷. Переписка интересна, прежде всего, своей внутренней интригой. Во-первых, это обоюдный, глубоко творческий процесс взаимного постижения, проникновения во внутренний ход мыслей и чувств друг друга. И, во-вторых, она носит *исповедальный* характер, раскрывающийся только в текстах. Проникновение в этот исповедальный, духовно-интимный слой переписки позволяет экзистенциально, "внеконцептуально" представить весь сложнейший комплекс идей и проблем, мучительно решаемых в этот переходный, кризисный для обоих адресатов (и культуры в целом) период. Поиск и освещение духовно-нравственных основ жизни в доступных научному познанию пределах и рамках, либо разрушение их и переживание этого процесса внутри себя и для себя — вот основная смысловая оппозиция, на которой выстраивается внутренняя коллизия переписки ученого.

Диалогическое пространство между идеями Страхова и Канта было рассмотрено в докладе проф. Московского государственного технического университета "Станкин" **Т. В. Казаровой**. Перекличка с Кантом была обнаружена, прежде всего, в том, что глубочайшие знания в области естественных наук, методичность мышления, аналитические способности не помешали, но, напротив, подтолкнули обоих философов

⁷ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Т. 1. С. 14.

к разумному признанию Бога, без которого мир оказался мертвым, а бытие человека бессмысленным. Философский гений Канта и философская интуиция Страхова сошлись в одном: в мире есть тайна и человек причастен к ней. Любопытство и желание поспорить вызвал доклад писателя, д-ра филос. наук **П.В. Калитина** (Москва), который в своих оригинальных размышлениях о нигилизме предъявил претензии в его практическом воплощении Толстому, Достоевскому и другим писателям XIX века, доказывая, что в наши дни нигилизм приобрел уже не просто философский, социально-политический или эстетический характер, как во времена Страхова, но без преувеличения носит тотальный масштаб. Он не отстраненно предстает перед нами, а является — изнутри нас — в виде чуть ли не исповеднического отрицания жизни и ее устоев.

На конференции прозвучало множество суждений об особой интеллектуальной отзывчивости и нравственной стойкости Н.Н. Страхова. По итогам работы была принята резолюция о необходимости регулярно проводить Международные страховские чтения на родине Н.Н. Страхова — в г. Белгороде — на базе Белго-

родского государственного университета.

© 2009 С.М. КЛИМОВА,
доктор философских наук

Л.Н. Толстой за
чтением писем.
Мещерское
Московской
губернии. 1910 г.